

Рост использования нейробиологических доказательств в уголовных делах: новые данные

В 2008 году в городе Эль-Кахон, Калифорния, 30-летний Джон Николас Гюнтер забил свою мать до смерти металлической трубой, а затем украл \$ 1378 наличными, ее кредитные карточки, DVD/VCR-проигрыватель и некоторые болеутоляющие средства, отпускаемые по рецепту. В ходе судебного разбирательства, Гюнтер признался в убийстве, но утверждал, что его преступление должно быть квалифицировано как убийство второй степени, так как он действовал непреднамеренно. Клинический психолог и невропатолог засвидетельствовал, что две предыдущие травмы головы - одна, вследствие нападения, другая - из-за передозировки наркотиками - повредили лобные доли его мозга, что потенциально снизило способность Гюнтера спланировать убийство, в результате чего он действовал импульсивно. Присяжных, однако, не убедил этот довод защиты Гюнтера. На основании других показаний, например, того, что Гюнтер ранее говорил об убийстве матери с друзьями, суд признал его виновным в убийстве первой степени, и приговорил к тюремному сроку в 25 лет.

Дело Гюнтера, по мнению таких исследователей, как Нита Фараани, правоведа (Nita Farahany) из Университета Дьюка в Дареме, Северная Каролина, свидетельствует о новой тенденции. На прошлой неделе она, совместно с коллегами, опубликовала об этом статью в Вестнике права и биологических наук (Journal of Law and the Biosciences). По их данным, более чем в 1585 судебных решениях, вынесенных в США по уголовным делам в 2005 - 2012 годах, говорится об использовании защиты нейробиологических доказательств. Только в 2012 году, например, более 250 обоснований содержали аргументы обвиняемого о том, что преступление их "заставили совершить их собственные мозги". А это вдвое больше, чем в 2007 году.

По словам Фараани, традиционная правовая практика гласит, что в основном нейробиологические средства доказывания, такие, как снимки функциональной магнитно-резонансной томографии, оценки когнитивных нарушений, или тесты на генетическую изменчивость, которая могла бы повлиять на психические функции человека, используются в качестве аргумента против назначения наказания в виде смертной казни в делах о тяжчайших преступлениях. Однако, команда Фараани, включавшая в себя 17 студентов юридических факультетов и трех студентов бакалавриата, подвергнув тщательному анализу десятки тысяч опубликованных судебных решений с помощью поисковых терминов, таких как "расстройство мозга",

"биологический" и "КТ-сканирование", обнаружила, что диапазон использования подобных доказательств растет – они используются в судебных делах о мошенничестве, ограблениях и хранении наркотиков.

Но участие в судебном разбирательстве нейробиологов не всегда означает оправдательный вердикт. Исследование показало, что нейробиологические доказательства, которые должны убедить суд в том, что подсудимый не полностью отвечает за свои действия - как в деле Гюнтера – в большинстве случаев не помогают обвиняемым. Отчасти это происходит из-за правовых критериев оценки вменяемости подсудимого – во многих штатах невменяемость значит, что у обвиняемого наблюдается «полное непонимание» разницы между добром и злом. Даже если человек психически болен, это, как правило, приводит к "определенной степени непонимания, нежели, чем к ее полному отсутствию", пишут Фараани и ее коллеги. В целом, специальные знания нейробиологического характера о человеческом поведении и принятии решений зачастую не могут внести ясность в то, почему конкретный человек совершал поступки "добровольно" или "намеренно" и, следовательно, виновен в совершении преступления, говорит Фараани.

Есть, однако, некоторые случаи, в которых данные нейробиологии, оказываются неожиданно ценными, утверждает Фараани. Ее анализ показал, что вторым наиболее распространенным случаем использования нейробиологических доказательств в суде является оспаривание дееспособности подсудимых - их дееспособности признавать себя виновными в совершении преступления, давать признательные показания, или быть осужденными. В одном таком деле, рассказывает Фараани, защитой было установлено, что мужчина является умственно недееспособным, что исключило возможность обвинительного приговора в отношении него, *после* того как его вина в мошенничестве была доказана. В результате он "не был приговорен к тюремному заключению, а провел остаток своей жизни в лечебнице".

В общем, новое исследование предполагает, что нейробиологические доказательства оказали позитивное влияние на систему уголовного правосудия США, "помогая в определении дееспособности обвиняемых и изучении роли наказания", утверждает Джуди Иллес (Judy Illies), нейробиолог из Университета Британской Колумбии в Ванкувере, Канада. Однако, Фараани делает другие выводы. С некоторыми исключениями, использование нейробиологических доказательств в залах суда "продолжает быть бессистемным, ситуативным и зачастую непродуманным", пишет она и ее

коллеги. Адвокаты редко прислушиваются к предостережениям ученых о том, "что соответствующие нейробиологические доказательства сами по себе слабы, особенно в деле утверждения каких-то фактов о людях, а не изучения различий между социальными группами", добавляют они.

"То, с чем мы столкнулись, это попытка "подгонки" нейробиологических методов и данных под право", говорит Джеймс Джордано (James Giordano), специалист по нейроэтике в Джорджтаунском университете в Вашингтоне, округ Колумбия. А нужны, говорит Джордано, системные нейробиологические исследования "для права", которые бы отвечали потребностям судов, при этом "не стоит забывать о существующих ограниченных возможностях и ограничениях инструментов нейробиологии". Иллес согласна с этим мнением, утверждая, что "более активное участие неврологов в обсуждении этих вопросов не просто необходимость, это императив".